

Цзян Шиянь не баловал родителей частыми визитами, а уж то, что на этот раз он приехал вместе с Линь Чжоу, и вовсе стало для семьи событием. Цзян Цунжун и Ду Жо, разумеется, всем сердцем желали удержать молодых людей на ужин.

Однако Шиянь уже давно отвык оставаться здесь на семейные трапезы. Обычно его визиты длились от силы полчаса.

Ду Жо нерешительно поколебалась, прежде чем робко, с затаенной надеждой спросить:

— Мальчики, у вас есть дела на вечер? Может, останетесь поужинать? Я приготовила столько всего вкусного...

Линь Чжоу выжидающе посмотрел на своего спутника. Тот сидел, опустив взгляд, и упорно хранил молчание.

Линь Чжоу знал друга слишком много лет и прекрасно понимал, почему тот так не любит возвращаться в отчий дом. В этих стенах Шиянь слишком долго рос в полном одиночестве. С тех пор как на третьем курсе они вдвоем купили собственную квартиру, он практически перестал здесь появляться.

— Сегодня у нас еще куча дел, давайте в другой раз, — с мягкой улыбкой выручил друга Линь Чжоу.

На лице Ду Жо отразилось горькое разочарование, но она поспешно заставила себя улыбнуться:

— Что ж, хорошо... Но я кое-что приготовила для вас с собой. Заберете, положите дома в холодильник...

— Мы поужинаем здесь, — вдруг негромко перебил ее Шиянь, подняв глаза.

Он подумал, что Чжоу пришел сюда впервые, и уйти вот так, даже не разделив с хозяевами трапезу, было бы неправильно.

Ду Жо на мгновение опешила, но тут же просияла от искренней радости:

— Отлично, просто замечательно! Я сейчас же все накрою.

Даже всегда суровое лицо Цзян Цунжуна слегка разгладилось. Мужчина засучил рукава и лично отправился на кухню, чтобы запечь рыбу.

Обед у Цзянов разительно отличался от шумных застолий в доме Линей. У Линь Чжоу дома отец с сыном могли вдвоем разыграть целое комедийное представление, и если бы не строгий контроль со стороны Чжоу Цин, они бы давно разнесли всю квартиру своими бесконечными спорами и шутками.

В семье Цзян все было иначе. За столом трое кровных родственников сидели в полном молчании. Цзян Цунжун и Ду Жо сами по себе были людьми неразговорчивыми, а в присутствии сына и вовсе робели, взвешивая каждое слово. Они отчаянно не знали, о чем говорить, чтобы не разрушить хрупкий мир.

Все их попытки завязать беседу сводились к дежурным фразам: «На улице холодает, одевайся теплее», «Питайся нормально, не засиживайся допоздна», «Как работа? Сильно устаешь в последнее время?».

От этих расспросов неловко становилось даже Линь Чжоу.

В итоге ему пришлось взять на себя роль массовика-затейника и попытаться растопить этот лед. Но тащить на себе разговор, когда собеседники упрямо молчат, оказалось задачей непосильной. Линь Чжоу чувствовал себя так, словно в одиночку толкал в гору тяжелую телегу.

После ужина Линь Чжоу поднялся, чтобы отойти в уборную. Стоило ему встать со стула, как в гостиной мгновенно воцарилась звенящая тишина. Каждый шаг отдавался отчетливым звуком. Оглянувшись, он поймал на себе три пристальных взгляда — все семейство безмолвно провожало его глазами до самой двери.

Линь Чжоу с трудом сглотнул. Ему напрочь отбило желание воспользоваться туалетом.

Покончив с делами как можно быстрее, он поспешил обратно, твердо намереваясь спасти ситуацию и разогнать эту гнетущую атмосферу. Но стоило ему подойти ближе, как из гостиной донеслись тихие голоса.

Линь Чжоу удивленно приподнял брови. Оказывается, им все-таки было о чем поговорить.

— Твой отец разузнал, что в агентстве с Чжоучжоу обходились несправедливо... — Голос Ду Жо звучал надтреснуто и тяжело, ей явно с трудом давались эти слова. — Мы ведь не могли просто закрыть на это глаза, раз уж все выяснилось. Пожалуйста, не думай ничего плохого... Мы ведь и к тебе, и к Чжоучжоу... как бы сказать... Я не умею красиво говорить, сынок. Я просто хочу, чтобы ты знал...

— Я все понимаю, — негромко и бесстрастно оборвал ее Шиянь.

Невысказанные слова застряли у Ду Жо в горле, оставив на губах лишь горький привкус. Они

слишком сильно задолжали собственному сыну за все годы его взросления, и теперь любые оправдания казались запоздалыми и фальшивыми.

Линь Чжоу прислонился спиной к стене коридора, разглядывая мягкий свет бра. Он прекрасно понимал чувства Ду Жо и Цзян Цунжуна. Точно так же его собственные родители, Чжоу Цин и Линь Ишань, пытались сделать что-то хорошее для Шияня, всегда действовали с крайней осторожностью, боясь ранить его гордость. Они метались между двумя огнями, до смерти боясь, что кто-то из детей почувствует себя обделенным или ущемленным.

В гостиной снова повисло молчание.

Спустя долгую паузу Шиянь заговорил вновь:

— Когда я впервые увидел Линь Чжоу, мне было пять лет.

Шиянь не знал, как долго способна храниться человеческая память. За свои двадцать семь лет он многое помнил и многое забыл. Порой ему было трудно восстановить в деталях события даже месячной давности. Но тот день, когда он пятилетним мальчишкой встретил Чжоу, врезался в его сознание навечно.

Пухлый, щекастый карапуз, который был чуть пониже него самого, приподнялся на цыпочки, обхватил его лицо ладонками и звонко выдал:

— А ты красивый!

В пятилетнем возрасте мальчишки больше всего ненавидят, когда их называют девчоночьим словом «красивый». Поэтому маленький Шиянь без лишних раздумий со всей силы заехал наглецу кулаком по лицу.

Тот оказался не из робкого десятка и сразу же бросился с кулаками в ответ. В итоге оба знатно разукрасили друг друга синяками, после чего воспитательница выставила драчунов в коридор и вызвала родителей.

В тот день за сыном пришел только Линь Ишань. Он весело рассудил:

— Мальчишкам положено драться. А теперь пожмите друг другу руки и миритесь.

Шиянь послушно протянул ладонь, но Линь Чжоу вместо рукопожатия внезапно навалился на него всем телом, обхватил за шею и с размаху, сочным чмоком поцеловал в щеку.

Этот мелкий паршивец, у которого за щекой был зажат леденец, щедро измазал все его лицо сладкими слюнями.

А едва отстранился, как победно и нагло заявил:

— Все равно ты красивый! И что ты мне сделаешь? Попробуй ударь, у меня тут папа!

Шиянь никогда не забудет, как после этих слов Линь Ишань отвесил сыну знатный подзатыльник и как горько, на весь детский сад, разрыдался мелкий Чжоу.

Шиянь медленно, аккуратно очищал дольку мандарина. Его голос звучал тихо, но отчетливо:

— Все эти годы он был единственным, кто оставался рядом со мной. Если вы будете добры к нему, мне это принесет только радость.

Глаза Ду Жо мгновенно наполнились слезами. Она крепко закусилла нижнюю губу, а Цзян Цунжун сжал ее дрожащую ладонь и тяжело, сокрушенно вздохнул.

У Линь Чжоу болезненно сжалось сердце. Боль была такой острой, словно его грудь пронзила тонкая игла.

Сделав глубокий вдох, он легонько похлопал себя по щекам, заставляя губы растянуться в беззаботной улыбке, и уверенно шагнул в гостиную:

— О, я тут кое-что вспомнил!

Заметив его появление, Ду Жо торопливо смахнула слезы с ресниц и попыталась придать своему лицу непринужденный вид. Она мягко улыбнулась вошедшему:

— Что такое, Чжоучжоу?

Линь Чжоу сделал вид, будто совершенно не заметил царящего в комнате напряжения. Он уселся на диван рядом с Шиянем и заговорщически обратился к главе семейства:

— Дядя Цзян, мой отец тут пригнал на ранчо несколько отличных скакунов. Будет время — собирайте друзей и приезжайте к нам. Покатаетесь на лошадях, поиграете в гольф... Я лично оформлю вам золотую VIP-карту с максимальной скидкой.

— Вот как? — удивленно отозвался Цзян Цунжун, на чьем лице промелькнула тень улыбки. — И это все, ради чего ты так торжественно объявил?

— Разумеется! Это же дело государственной важности, — Линь Чжоу комично почесал затылок. — Надо же мне хоть как-то зарабатывать. Каждый юань на счету!

Родители Шияня не выдержали и искренне рассмеялись.

Шиянь протянул Линь Чжоу очищенный мандарин и негромко заметил:

— В таком случае тебе придется выплачивать моему отцу комиссионные за привлечение клиентов.

Линь Чжоу наградил его шутливым прищуром:

— Если ты сам приведешь к нам людей, я выпишу тебе отдельный процент.

— Договорились, лови на слове. Я запомнил, — приподнял бровь Шиянь.

Линь Чжоу лишь фыркнул.

«Если у тебя получится вытянуть из меня хоть копейку, я признаю свое поражение».

Как и родители Линь Чжоу, Цзян Цунжун и Ду Жо тоже приготовили для ребят подарки. Цзян Цунжун специально заказал из Швейцарии две пары дорогих наручных часов. На каждого по штуке.

Линь Чжоу мысленно перевел дух. Слава богу, не нефритовые подвески, иначе им пришлось бы вешать на шею по второму амулету.

Поскольку Шиянь не спешил забирать свою коробку, Чжоу сам взял оба футляра, открыл их и, бесцеремонно перехватив запястье друга, расстегнул его старые часы. Быстро закрепив на их месте новенький швейцарский хронограф, он с довольным видом оценил результат:

— Шикарно. Тебе очень идет.

Затем он примерил свои часы и тепло поблагодарил хозяев дома за щедрость.

Цзян Цунжун и Ду Жо лишь надеялись сделать сыну и его другу приятное, но даже не рассчитывали, что те сразу наденут подарки. Особенно Шиянь, который все эти годы наотрез отказывался принимать и использовать то, что они ему дарили. Но стоило Чжоу самому застегнуть ремешок на его руке, как тот даже не подумал его снять.

Когда пришло время прощаться, Ду Жо собрала для них внушительный пакет с продуктами и деликатесами, настойчиво прося Чжоу передать часть его родителям.

— Ой, ну зачем же так много, нам даже неудобно... — вежливо лепетал Линь Чжоу,

одновременно с этим распахивая багажник автомобиля. — Да ничего, кладите прямо сюда. Если не поместится, посильнее прижмите, как-нибудь утрамбуем!

Ду Жо не удержалась и тихонько рассмеялась.

Поколебавшись секунду, Линь Чжоу мягко шагнул вперед и бережно приобнял женщину за плечи:

— Не переживайте. Я обещаю, что буду чаще привозить его к вам в гости.

Ду Жо, непривыкшая к столь открытым проявлениям нежности, на мгновение замерла от неожиданности. Но Линь Чжоу уже отстранился, приветливо помахал рукой на прощание и юркнул в салон.

Машина уехала, а женщина еще долго стояла на крыльце, провожая ее взглядом. Линь Чжоу был похож на яркое, теплое солнце, щедро дарящее свой свет окружающим. Ду Жо всем сердцем молилась о том, чтобы это тепло смогло согреть израненную и ожесточившуюся душу ее сына.

На обратном пути Линь Чжоу вел машину в абсолютной тишине. Он то и дело бросал короткие взгляды на пассажирское сиденье — Шиянь явно пребывал в глубокой задумчивости и выглядел подавленным.

Каждое посещение родительского дома оставляло в душе его друга тяжелый осадок. Цзян Цунжун и Ду Жо, несомненно, любили своего единственного сына. Вот только вечная занятость на работе лишила их возможности быть рядом, когда он больше всего в этом нуждался. Они упустили хрупкий период подросткового взросления, а когда спохватились — пропасть между ними стала уже непреодолимой.

Не желая донимать друга расспросами, Чжоу просто включил негромкую, спокойную музыку.

Шиянь опомнился лишь тогда, когда понял, что они едут совсем не в сторону дома. Линь Чжоу припарковал машину у обочины, натянул поглубже кепку, поправил маску на лице и строго наказал:

— Жди меня здесь и на улицу не высывайся.

Линь Чжоу быстро выскочил из салона и растворился в густой толпе, переходящей оживленный перекресток.

Шумные улицы города сверкали мириадами неоновых огней, мимо нескончаемым потоком неслись автомобили. Фигура Чжоу исчезла из виду за считанные секунды.

Шиянь почувствовал, как в груди поднимается глухая тревога, мешающая дышать. Он приоткрыл дверцу машины, вышел наружу и принялся лихорадочно всматриваться в толпу, но так и не смог зацепиться взглядом за знакомый силуэт.

Ему стало не по себе. Рука невольно потянулась к воротнику, пальцы судорожно коснулись шеи, где под кожей скрывался свежий шрам от операции. Ему безумно хотелось ощупать его, но мысль о том, как разозлится Чжоу, заставила его вовремя одернуть руку.

Ожидание превратилось в пытку.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем на противоположной стороне улицы наконец показалась высокая, стройная фигура в низко надвинутой кепке. Стоило загореться зеленому сигналу светофора, как парень стремительно перебежал дорогу и взволнованно зашептал:

— Ты чего вылез? Быстро в машину! Кажется, меня кто-то узнал.

Линь Чжоу поспешно запрыгнул на водительское сиденье и завел мотор. Как только Шиянь захлопнул дверцу, автомобиль плавно влился в дорожный поток.

Бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, Линь Чжоу шумно выдохнул:

— Ну и зрение у этих фанатов! Я же закутался по самые уши, а девчонка все равно уставилась на меня и спрашивает: «Ой, а вы случайно не Линь Чжоу?»

— И что ты ей ответил? — Шиянь почувствовал, как тяжелый ком в груди медленно растворяется, возвращая способность нормально дышать.

Линь Чжоу удивленно повернул к нему голову:

— Что у тебя с голосом? Почему ты так охрип?

Шиянь неловко кашлянул:

— Ерунда, просто горло пересохло.

— Держи, — Линь Чжоу выудил из бардачка бутылку минералки и бросил другу на колени. — Сделай пару глотков. И вообще, завязывай со своими сигаретами на пару дней.

— Хорошо, — послушно согласился тот. — Так что ты ей сказал?

Линь Чжоу весело фыркнул:

— Я посмотрел на нее с самым искренним недоумением и спросил: «А кто такой этот ваш Линь Чжоу?» Пока она соображала, что ответить, я уже дал деру.

Шиянь невольно улыбнулся:

— Зачем ты вообще уходил?

— Ох, из-за этой девчонки я совсем забыл самое главное! — Линь Чжоу сияющими глазами указал на бумажный пакет, лежащий у Шияня в ногах. — Ну-ка, загляни внутрь.

Шиянь поднял пакет — тот оказался приятно теплым. Стоило приоткрыть край бумаги, как по салону мгновенно разлился умопомрачительный, до боли знакомый аромат домашней выпечки.

— Лепешки с мейганцай? — Шиянь изумленно округлил глаза. — Где ты их нашел? Мы же сто лет их не ели.

— Я хотел взять две штуки, но когда меня начали вычислять, я просто кинул торговцу деньги за обе, схватил одну готовую и бросился наутек. Так что ты мне потом за вторую половину деньги на кошелек переведи!

Шиянь почувствовал, как к горлу подкатил теплый, щемящий ком. Ему до безумия хотелось прижать этого невыносимого парня к себе, обнять так крепко, чтобы хрустнули кости, и никогда больше не отпускать. Но вместо этого он лишь тихо смотрел на него, не в силах сдержать нежной улыбки. Ему было достаточно просто видеть, как Чжоу улыбается в ответ.

— Да ешь ты, чего уставился? — Линь Чжоу нетерпеливо пихнул его локтем. — Давай, кусай скорее. Я один раз уже пробовал здесь брать, но вкус показался совсем не таким, как у тех лепешек, что мы покупали в школьные годы. Посмотрим, как в этот раз.

Шиянь послушно откусил кусочек. Салон автомобиля окончательно заполнился густым, аппетитным запахом пряной сушеной зелени и запеченного теста.

— Припаркуйся где-нибудь, — попросил он.

Линь Чжоу послушно вильнул рулем и съехал на свободный пятачок у тротуара.

Шиянь аккуратно отломил половину горячей лепешки и протянул к чужим губам. Линь Чжоу не заставил себя долго ждать — он подался вперед и жадно отхватил огромный кусок. Горячее тесто заставило его смешно задышать, а пара крошек упала прямо на подбородок. Шиянь инстинктивно подставил ладонь, чтобы поймать их, и в этот момент влажный, мягкий кончик языка Чжоу мимолетно скользнул по его коже, слизывая остатки выпечки.

Взгляд Шияня мгновенно потемнел. Он бережно стер невидимую крошку с уголка губ Чжоу, медленно опустил руку и слегка сжал пальцы в кулак, пытаясь сохранить ощущение этого мимолетного прикосновения.

Линь Чжоу с трудом проглотил лакомство, снова завел мотор и вырулил на проезжую часть:

— А знаешь, очень даже недурно! Намного лучше, чем в прошлый раз.

— А когда ты покупал их в прошлый раз?

Услышав вопрос, Линь Чжоу сперва наградил друга выразительным подзатыльником в воздухе, а затем сердито проворчал:

— Да прямо перед нашей встречей одноклассников! Когда ты приперся в тот же ресторан обедать с каким-то режиссером и нагло отдал мою роль этому вашему Фан Яню.

— Ты тоже там был? И видел меня? — Шиянь удивленно приподнял брови.

— Еще бы, — язвительно хмыкнул Линь Чжоу.

— И кто еще из наших пришел на ту встречу? — Шиянь счел за лучшее поскорее сменить опасную тему.

Разговор быстро перетек на обсуждение старых школьных приятелей:

— О, ты помнишь того придурка Го Хана?

— Помню, — кивнул Шиянь, не спеша доедая лепешку.

Этот парень вечно пытался задирать Чжоу, за что регулярно получал от него заслуженных люлей.

— Так вот, он очень хотел с тобой связаться, караулил твой номер, но ты упрямо не брал трубку...

Линь Чжоу без умолку болтал всю дорогу, увлеченно жестикулируя, пока они наконец не свернули во двор своего жилого комплекса и не припарковались на подземной стоянке. К этому моменту лепешка была благополучно уничтожена.

Выйдя из машины, Линь Чжоу внимательно изучил лицо друга. Кажется, мрачные тучи в его глазах окончательно рассеялись.

Линь Чжоу весело придвинулся ближе и шутливо толкнул его плечом в бок:

— Эй, угрюмый господин, а не спеть ли мне тебе песню?

Шиянь посмотрел на него сверху вниз. Он прекрасно понимал, что все эти маневры — и покупка лепешки, и забавные сплетни — были затеяны лишь ради того, чтобы поднять ему настроение.

— Ну давай, удиви меня, — мягко отозвался он.

Линь Чжоу огляделся по сторонам. Время близилось к восьми вечера, и во дворе, несмотря на прохладу, еще прогуливались соседи.

Он придвинулся к Шияню почти вплотную, забавно прочистил горло и уморительно затянул полусшепотом:

— Железный молот, железный молот...

Стоило Линь Чжоу взять первую фальшивую ноту, как Шиянь не выдержал и негромко рассмеялся.

Смех его был на удивление чистым и искренним, а в глубине глаз зажглись теплые огоньки. Линь Чжоу так давно не видел, чтобы этот невыносимый человек улыбался столь беззаботно, что невольно залюбовался им, и все дурацкие слова песни разом вылетели у него из головы.

<http://bllate.org/book/18995/1951334>